

На полотне, находящемся в Лувре, — более ранний вариант — изображена Мадонна в синем одеянии, рука которой обнимает сына, защищая его, другой ребенок — рядом с архангелом Гавриилом. Любопытно, что дети похожи друг на друга, но еще более странным выглядит ребенок с благословляющим ангелом и младенец Марии, который преклонил колена в знак смирения. Некоторые версии в связи с этим высказывали предположение, что Леонардо в силу каких-то причин поместил младенца Иоанна рядом с Марией. В конечном итоге на картине нет обозначения, какой из младенцев Иисус, но, разумеется, право давать благословение должно принадлежать Иисусу. Однако картину можно толковать и по-другому, причем это толкование не только предполагает наличие подспудных и в высшей степени неортодоксальных посланий, но усиливает коды, использованные в других работах Леонардо. Возможно, похожесть двух детей обусловлена тем, что Леонардо намеренно сделал их такими для своих собственных целей. А также в то время, как Мария левой рукой защищает ребенка, которого считают Иоанном, ее правая рука простерта над головой Иисуса так, что этот жест представляется жестом откровенно враждебным. Именно об этой руке Серж Брамли в своей недавно опубликованной биографии Леонардо пишет как о «напоминающей когти орла»¹⁰. Гавриил указывает на ребенка Марии, но, кроме этого, загадочно смотрит на наблюдателя — то есть явно не на Мадонну и ее младенца. Может быть, и легче истолковать этот жест, как указание на Мессию, но есть и другой возможный смысл в этой части композиции.

А если младенец с Марией в хранящемся в Лувре варианте картины «Мадонна в скалах» Иисус — предположение весьма логичное, — а младенец с Гавриилом — Иоанн? Вспомните, что в таком случае Иоанн благословляет Иисуса, а тот склоняется перед его властью. Гавриил, выступающий защитником Иоанна, даже не смотрит на Иисуса. И Мария, защищающая своего сына, взметнула в угрожающем жесте руку над головой ребенка Иоанна. В нескольких дюймах под ее рукой указывающая рука архангела Гавриила разрезает пространство, как будто две эти руки образуют некий загадочный ключ. Выглядит это так, будто Леонардо показывает нам, что некий объект — важный, но невидимый, — должен заполнять пространство между руками. В указанном контексте не кажется фантастикой предположение, что распростертые пальцы Марии держат корону, которую она возлагает на невидимую голову, а указующий перст Гавриила разрезает пространство именно там, где должна быть эта голова. Эта голова-фантом плавает высоко над тем ребенком, который находится рядом с архангелом Гавриилом... Таким образом, а нет ли на картине в конечном итоге все-таки указания на то, кто из двух умрет через усекновение головы? А если предположение верно, то это Иоанн Креститель дает благословение, он выше рангом.

Вместе с тем, обратившись к более позднему варианту, находящемуся в Национальной галерее, мы обнаружим, что все элементы, позволяющие сделать столь еретическое предположение, исчезли — но только эти элементы. Внешность у детей совершенно разная, и тот, кто находится рядом с Марией, имеет традиционный крест Крестителя с удлиненной продольной частью (хотя, возможно, он был добавлен другим художником позднее). В этом варианте рука Марии также простерта над другим ребенком, но угрозы в ее жесте не ощущается. Гавриил более никуда не указывает, и взгляд его не отведен от развернутой сцены. Выглядит это так, будто Леонардо приглашает нас поиграть в игру «найди отличия в двух картинках» и сделать определенные выводы, когда мы определим аномалии первого варианта.

Такого рода проверка творений Леонардо выявляет множество провокационных подтекстов. С помощью нескольких изобретательных приемов, сигналов и символов, как нам кажется, постоянно повторяется тема Иоанна Крестителя. Снова и снова он или образы, обозначающие его, возвышаются над Иисусом, даже — если, конечно, мы правы — в символах, отображенных в Туринской Плащанице.